

Даль В.И.

Павел Алексеевич Игривый

Повесть

Печатается по изданию: Даль В.И. Избранные произведения. - М.: Правда, 1983.

В небольшой комнате было два стола - один так называемый ломберный, складной, очень ветхий, другой сосновый, который некогда был выкрашен голубой краской, затем белой и, наконец, красной, и потому на вытертых углах и лысинах стола видны были все три слоя краски. Еще стояло тут семь стульев - пара очень затасканных, оплетенных осокой, пара вовсе деревянных, как будто дружки сосновому столу, но один был облечен в первоначальную масть этого стола, те есть голубой, а другой, по-видимому, принял участие во втором перевороте и оделся в белую сорочку; вара тяжеловатых кресел неизвестного склада и масти, одетые издавна пестрядевыми чехлами, видимо состояли в близком родстве с таким же раскидистым диваном, подушка седьмого стула, наконец, если рассмотреть ее тщательно, показывала, что была когда-то вышита шелками по сукну или казимиру неопределенного цвета, но все это давно поблекло, полиняло, шелк местами вовсе повытерся, казимир посекея. В комнате стоял еще перекосившийся шкаф, доживавший век свой пузатый комод, горка с трубками величиною с Гаркушин курган, а стены были увешаны несколькими старообразными ружьями и другими отставными охотничьими припасами, а также старосветскими картинам" в красных узеньких рамочках.

На диване лежал человек средних лет, рослый, плотный, видный, в весьма поношении халате; он читал какую-то истасканную книжонку, или по крайней мере держал ее в руках, и сосал погасшую трубку. Среди пола лежал вразяжку большой легавый пес, ворчал и лаял про себя во сне.

Павел Алексеевич Игривый - так звали этого барина - оглянулся с улыбкой на своего любимца, потянул опять трубку и, заметив, наконец, что она погасла, закричал: "Эй, Ванька!" Иван вошел, не говоря ни слова, подал барину на смену другую трубку, а покойницу унес для дарования ей новой жизни, то есть для чистки и набивки.

Много пять минут продлилось молчание, прерванное несколькими вздохами и зевками барина и бессловесными возгласами его любимца, как опять раздалось: "Эй, трубку!.." По третьему подобному призыву своему, однако же, помещик наш встал, потянулся, спросил у Ваньки: "А что, рано еще?" И узнав, к своему удовольствию, что уж не так рано, а час девятый, решил, что пора спать, и пошел в соседнюю почивальню. Ванька последовал за ним. Здесь мебель ни в чем не уступала кабинетной: односпальная кровать о двух тюфяках и двух перинах, с целой копной подушек и бессменными на вечные времена занавесками, стояла во всей готовности для приема в недра свои хозяина.

- Ну, брат Ванька, - сказал он, - коли так, отойдем, помолившись, ко сну. Ты раздень и разуь меня, уложи меня, накрой меня, подоткни меня, переверни меня, перекрести меня, а там, поди, усну я сам.

- Да никак, сударь, - сказал Ванька, - и дворян-то вся спит без просыпу. Хоть бы приказали собратся да волков поугать; ведь вот вечер телку зарезали у Карпова, того гляди ребят обижать станут. Бывало, вы, сударь, охотились сами.

- Э, бывало! Было, да быльем поросло. Пожалуй, соберитесь на днях да поохотьтесь себе.

- То-то, сударь, холостому, человеку все не в охоту; хоть бы, сударь, невесту себе выбрали да женились" и мужики все жалеют об вас.

Барин захохотал.

- Эка, вовремя собрались пожалеть! Нет, брат, уж мои невесты, чай, давно на том свете козлов пасут.. Эка забота моим мужикам! Ну, видно ж, им не о чем больше тужить: по грибы не час и по ягоды нет - так хоть по еловы шишки.

- А что ж, сударь, и вестимо, что так: они за вашею милостью живут захребетниками и не тужат, а вам так вот, видно, скучно; была бы хозяйка...

- А зови-тка ради скуки Меледу с понукалкой, так вот и уснем под шумок и размыкаем горе.

Меледой прозвали сказочника Гаврюшку, своего, доморощенного поварского помощника, который в четыре года не мог выучиться готовить простых щей с забелкой, отговариваясь тем, что все ночи напролет рассказывает барину сказку и потому днем должен спать, вследствие чего-де и учиться некогда, да и проспал память. Меледа вошел разутый и полураздетый, принес по обычаю под мышкой одр свой - войлочек и подушонку, постлал его в ногах у барской кровати, присел на него, почесываясь, и ждал барского "ну". В то же время вошел в комнату еще другой человек, одетый и обутый, но с такой дурацкой рожей, что посторонний не мог бы взглянуть на него без смеха. Он стал спокойно у дверей,